

Общие проблемы
политической концептологии

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР
В ПОСТСОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ:
РЕАЛЬНЫЕ И ЛОЖНЫЕ ЦЕЛИ**

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматривается проблема цивилизационного выбора, связанного с необходимостью смены вектора развития — преодоления фатальной зависимости от экспорта сырья и импорта товаров и технологий. Анализируются институциональные и политические причины скрытого ухода от данной проблемы и замещения её тематикой своего рода консервативного идеализма с явным традиционалистский уклоном. Идеология амбициозного сырьевого прироста рассматривается в свете освоения внешних черт постколониального сознания с признаками нарциссического расстройства, в том числе в бессубъектных структурах. Выявлены симуляции самобытности в такого рода идеологии, все более исчерпывающие себя в условиях поиска выхода из постмодерна.

Ключевые слова: цивилизационный выбор, сырьевая зависимость, смена вектора развития, смены курса официальной идеологии, постколониализм, нарциссические расстройства на субъектном и бессубъектном уровне, выход из постмодерна.

Предыдущая статья на тему цивилизационного выбора России была посвящена развилкам в истории и в мозгах — условиям задачи и коррекции оптики [Рубцов 2018в]. Сильные обобщения при слабых связях с обстоятельствами времени и места сбивают фокусировку: полемика упирается в широкие горизонты, аккуратно обходя близкие, но болезненные темы, определяющие цивилизационный выбор как политический — здесь и сейчас. Поскольку самые правильные и точные вопросы к политике выглядят сейчас и самыми вызывающими, чуткая самоцензура исправно зачищает все, что может омрачить общую атмосферу подъема и ликования. Эта отвлеченность удобна всем. Она позволяет ученым заниматься любимым делом, не портя отношений с властью. И она удобна власти: свет такого знания и шум в теории помогают на практике манипулировать реальным выбором страны тихо и в тени.

1. Пропущенные вызовы

Ровно 10 лет назад исторический вызов для России был сформулирован одновременно и независимой экспертизой, и в программных документах власти. В самых разных контек-

*стах речь шла о кризисе ресурсной модели и вызове догоняющей модернизации. Сейчас, когда в процесс вмешалась гиперактивная внешняя политика и все резко ускорилось, рассуждения о коллапсе сырьевой модели приобретают прямое денежное выражение. Предметом калькуляции становится конфликт между котировками нефти и стоимостью симуляции нового могущества. Парадокс в том, что чем ниже цена нефти, тем больших объемов требует и дороже обходится вся эта физкультура вставания с колен. И это закономерно: священная война против несправедливости в распределения державного величия в мире отвлекает от несправедливости в распределении богатства и нищеты внутри страны. Более того, имитация нового величия необходима для прикрытия провалов в экономике, бюджете и социальной сфере, неизбежных при такой политике экспорта нефти и беспорядка. Хаотизация мира дорого обходится одновременно и платой за вмешательство, и подрывом того самого ресурса, которым вся эта активность оплачена. Этот контур с отрицательной обратной связью ещё более осложняет пребывание страны в тупике «нефтедобывающей цивилизации». И если это не вызов времени, которым определяется исторический выбор *hik et punk*, то можно успокоиться: тогда у России в этой жизни выбора нет вообще.*

Политика опережает технологии

Ресурсная модель, сырьевой вектор, инерционные сценарии — все это категории вчерашнего дня, но и безальтернативность дня сегодняшнего, в реалиях и в тренде. Даже такие панические метафоры, как необходимость «снять с нефтяной иглы», вызывают устойчивое привыкание: оказывается, можно сидеть на «игле» и дальше, если в нарастающих дозировках включать ещё и другие — идеологические и социально-психологические нейрорептихи.

Стратегическая исчерпанность «сырьевого» проекта признана давно, но тупик оказался ближе, чем рассчитывали. Экономический и политический потенциал экспорта сырья и связанной с ним надстройки на пределе исчерпания уже сейчас. Он колеблется с ценой на нефть и может даже входить в плюс, но сами эти колебания слабо контролируемы и весьма опасны. Режим входит в зону рисков с неприемлемым ущербом, когда приходится просчитывать и брать за основу варианты, пусть не самые вероятные, но потенциально разрушительные (так считают риски на подкритических сборках ядерных установок). Сейчас в реальном времени начинают сбываться пророчества, ещё вчера одновременно и казавшиеся алармизмом, и представлявшие официальную точку зрения. В 2007 году один из кандидатов на роль путинского местоблюстителя в простоте душевной, но и вполне в духе того времени заявил: «Технико-внедренческие зоны спасут страну, когда обрушится сырьевая экономика». Теперь наверху так не говорят, но и прежних слов не опровергают, поскольку горизонт стратегического планирования сжался до нескольких лет: дальше заглядывать просто не хочется.

Приближению критической отметки власть способствовала своими же экспериментами. Политические авантюры сегодня подрывают то, что ещё только завтра должны были обрушить сверхновые технологии, способные резко изменить сырьевую и энергетическую конъюнктуру. В результате ситуация становится тупиковой в силу не только стратегической, но и тактической, оперативной исчерпанности модели. Противодействие новейшему стилю самоутверждения в мире, внешние репрессии и санкции, пока ещё частичная, но уже изоляция — все это с опережением выполняет историческую работу дешевого сланцевого газа, трудноизвлекаемой нефти альтернативной энергетики и прочих инноваций, способных изменить этот мир ресурсов. Плюс вялотекущая, но глубокая деградация институтов при неспособности режима что-либо всерьез менять на деле и в концепции. Уклоняясь от стратегических решений, руководство мужественно оттягивает конец, тем самым его только приближая.

Потом не получится делать вид, что коллапс ресурсной модели подкрался незаметно. На всех уровнях было сказано и не раз, что при любых колебаниях конъюнктуры это вопрос времени. Остается лишь добавить, что необходимая для элементарного выживания несырьевая альтернатива, если и возникает, то не в один день, месяц и даже год. Если учитывать инерцию воспроизводства человеческого материала (хотя бы только квалификации), то по большому счёту это уже вопрос смены поколений¹. Ресурсный социум, энергетическая сверхдержава, нефтедобывающая цивилизация, импортозамещение по-русски — со всем этим необходимо было разбираться раньше и из затакта, с учетом медленного разгона, пробуксовок и времени на коррекцию, тем более смену модели. Однако все эти вызовы по большому счёту оказались в папке «пропущенные» — как в разряженном телефоне.

Теперь особо впечатлительные и внушаемые эксперты, не говоря о самой власти, через силу и буквально сквозь зубы цедят слово «модернизация», не так давно бывшее ключевым в определении выбора. Уже понятно, что на традиции и скрепах не получается собрать даже словарный запас идеологии, её «аннотацию» и «ключевые слова»), но вернуться к полноценно модернизационной лексике не позволяют, как минимум, амбиции и гордыня. Идеологическая услуга просто обязана постоянно генерировать что-то якобы новое: это её хлеб и востребованность. Однако нельзя не признать, что цифровая экономика, роботы, искусственный интеллект и прочие чудеса, включая непредсказуемые траектории полёта зарядов, — все это лишь слабые и упрощенные эвфемизмы недавних идей модернизации, преодоления отставания, смены модели и вектора. С точки зрения состава сколько-нибудь полного модернизационного проекта это типичная технократическая редукция, к тому же выборочная и фрагментарная.

Хуже того, пробуксовка все ещё продолжается «на задней передаче» — полным погружением в имперско-советское ретро. Страна смотрится в зеркало заднего вида, до отказа затянув ручной тормоз. Это расслабляет, поскольку с такой установкой можно даже скатываться назад, не теряя лица. В положении цейтнота и цугцванга обсуждение темы выбора становится все более невозмутимым и мечтательным — как сказал бы Борис Грушин, неторопким. Аналитика уподобляется работе над энциклопедией или учебником. Преобладают размеренные штудии с философическими красотами и поднимающими самооценку экскурсами в державное прошлое. Теперь про цивилизационный выбор известно все, кроме одного: что с ним делать в России, в этой жизни, сегодня и завтра. Тем более послезавтра.

Отвлекающие маневры

Страх перед революцией перерастает в подкожный страх перед изменениями как таковыми. Случай классический: сначала «застойные явления», потом полноценный застой. Культ неизменности в истории веков прикрывает установку власти на выживание со счетом на годы. Ставка делается не на развитие, а на проникающую идеологию и подавляющую силовую защиту. Круговая оборона позволяет обездвижить страну, не отвечая за результат всеобщего оцепенения. В итоге в экономике, политике и сознании образуются пролежни и очаги некроза, атрофируются главные органы двигательной активности. Все это, как выражались классики, «атмосферу не озонирует», однако стране и миру внушают, будто это и есть тот самый русский дух, который Русью пахнет.

---

¹ Все хуже, поскольку пропущен ещё один такт: чтобы производить инновации, надо сначала начать *производить*. Чтобы производить новое и сложное, надо восстановить способность производить старое и простое. Несырьевая альтернатива требует восстановления среднетехнологичных и среднеинновационных производств: в ситуации сырьевого коллапса гигантскую страну не спасут и десятки таких инновационных супер-гигантов, как Apple, Сколково или Роснано.

В этом режиме даже самые привычные темы превращаются в ложные цели. Мегаистория («истоки», проблема «колеи», «российский проект»), макрокультурология («цивилизационный код», «традиция и скрепы», «дух нации»), глобальная конспирология (зависть и страх конкурентов, «в кольце врагов», «война всех против нас») — все это более походит на сбивающие прицел муляжи. Дискурс с претензией считаться высоким на деле работает как оперативное прикрытие того реального выбора, который без объявления войны самим себе в фоновом режиме реализуется текущей политикой.

История Отечества с точки зрения практической идеологии все более напоминает недра — аналог нефтяных запасов. Однако это неистощимое наследие нынешним рантье на дивиденды от нефти и прошлого никто под растрату не завещал. Страна дожигает последние резервы, заливая глаза тем, насколько она «не Европа» и даже «не совсем Евразия», а вовсе отдельная цивилизация. Считается, что помимо углеводородов мы располагаем неисчерпаемыми залежами морали и спасительными цивилизационными кодами, которые, правда, пока никем толком не прочитаны. Полный аналог загадочных «традиционных российских ценностей», которые можно превозносить до небес в общем виде, но нельзя перечислить².

Все это является результатом планового управления повесткой, включённом теневой идеологией на полную мощность. Новое мифотворчество оберегает от лишних травм и без того невротизированную психику общества. Реабилитация идеологии заново воссоздаёт универсальную машину идеализации всего, включая любые зигзаги курса. В самооценках власти и массы неизменно слышится формула сомелье из общепита: «Прекрасный выбор!». Однако повышенная комфортность сегодня, не гарантирует, что такой выбор не окажется ошибочным или даже трагически несостоятельным завтра. Скорее наоборот: выбору клиента обычно льстят, когда впаривают брак или залежалое.

2. Постколониализм в ситуации постмодерна

Выбор пути сейчас актуален для страны в диапазоне между вопросами философии и проблемами выживания³. Времени на разворот все меньше, если оно вообще осталось, но сырьевой придаток отчаянно отмечает последние триумфы. Такого сгущения празднеств и мероприятий не было нигде и никогда, от Древнего Рима до Кубы. Страна живет в атмосфере, будто смешавшей все возможные парады, торжественные заседания, концерты, гуляния, вручения, карнавалы, сатурналии и опенэйры. Ничего не менять — тоже выбор, однако атмосфера празднования всего подряд уже не столько радует, сколько пугает. В зажженной пламя тоже ярко вспыхивает перед тем, как кончится газ. Вопрос лишь в том, что в постмодерне такой «хлопок» может длиться долго и выглядеть как нормальное состояние.

Два постколониализма: самокритика метрополии и амбиции аборигенов

Проблему выбора чаще всего обсуждают так, будто вверенные нам язык, логика и система представлений вечны и единственно возможны. Между тем, это всего лишь язык Модерна, в своей определенности однажды возникший, а сейчас уже далеко не всегда и не во всем переводимый на язык новых реалий. Мир в целом живет скорее духом постмодерна, включая всех тех, кто об этом не слышал, это слово не выговаривает или ненавидит. В целом

² Это общий формат «однослойных» идеологий: обложка, под которой много пустых страниц. Список традиционных российских ценностей пытались сделать в Минкульте под Концепцию государственной культурной политики, но получилась лишь пародия на отечественную мораль, якобы выгодно отличающуюся именно «целомудрием» и «нестыжательством», особенно сейчас.

³ Веер возможностей см., в частности: Сорокин 2002.

это тоже «другая цивилизация». Но этого часто не замечают, и структуры сознания, перетянутые сюда из прошлой эпохи, порождают ложные оценки и пустые иллюзии. Дороги, которые мы выбираем, давно отсутствуют в жизни и даже на картах.

Классика теории прогресса полагает, что цивилизации развиваются в логике кумулятивного восхождения и могут быть систематизированы как целостные образцы, однозначно атрибутируемые и поддающиеся отчетливой классификации, подобно стилям в теории и истории искусства. Мир будто «нарезан» на отдельные цивилизации⁴. В постмодерне ничего этого нет: напрочь дискредитированы идеи восходящего развития, замкнутых культурных гештальтов и бинарных оппозиций типа «высокое — низкое», «прогресс — регресс», «передовое — отсталое» и т. п. Когда-то строгое распределение цивилизаций по странам и сторонам света стало дробным и всеядным. География больших локусов стала лоскутной. Суть новой организованности — комбинаторика и эклектика, заимствования и диффузное взаимопроникновение. Было бы странно, если бы в этой новой картине мира только цивилизации избежали такого изменения стиля и принципов сборки.

Россия в этом плане — образец смещения когда-то несовместимого. И не только она. Полный математической эконометрии китайский доклад «Модернизация в мире и Китае» открывается поэтическим образом: спускаясь с гор, великая Янцзы последовательно проходит все четыре этапа развития цивилизации — от примитивно-традиционного общества в верховьях через аграрные и индустриальные «эпохи» среднего течения до постиндустриальных анклавов при впадении в океан⁵. Но как метафора цивилизации это «одна река», связанная не только нисходящими, но и восходящими потоками. В Шанхае есть свой Тибет, но и в Тибете уже есть отзвуки Шанхая.

В России подобные расклады можно увидеть и в диспозиции центра и периферии, столиц и регионов (различия здесь почти как между истоком Янцзы и сверхсовременным шанхайским районом Пудун), но и на одном пяточке, при величественном слиянии Неглинки и Москва-реки. Разница лишь в том, что китайцы хотя бы пытаются встроиться в новую глобальную реальность не только политически, но и концептуально, в новых парадигмах и обновлении языка⁶. У нас нечто подобное если и есть, то скорее в отвлеченной теории. В отрефлексированном виде постсовременный взгляд присутствует как предмет для описания извне, в лучшем случае как декларация, но не как рабочая оптика (подобно изучению микроскопа или телескопа, не заглядывая в бинокляр). Это встречается и у юных, и у стареющих неофитов постмодерна. В категоричности аргументов и оценок, в приподнятом пафосе и апелляциях к «очевидности классических определений» — во всем этом стиле вещания о постмодерне сквозит отъявленный модернизм с неистребимым уклоном в идеологию⁷.

Стиль Модерна — тотализация и иерархии. Иерархия культур — суть колониальных отношений, архитектуры социума и геометрии статусов. Есть высокая, продвинутая цивили-

⁴ Более сложные модели см., например: Шкаратан 2010. Однако и предлагаемая здесь концепция «мультилинейности», противопоставленная «монолинейной» унитарности процесса, предполагает наличие целостных, идентичных себе автономных образований. Здесь акцентируется плюрализм, но не сродки и не диффузия.

⁵ China 2010. Данное издание является сводным докладом, объединяющим результаты 10 лет исследований, проводимых под руководством д-ра Чуанци Хэ (Chuanqi He) специализированным центром Китайской академии наук (Research Group for China Modernization Strategies, China Center for Modernization Research, Chinese Academy of Sciences).

⁶ «Современные китайские культурные исследования и политическая, социальная и экономическая мысль пересматривают «западную» модель современности с критической точки зрения и предлагают новую постколониальную, постмодернистскую форму модернизации с китайской спецификой. Китайская критика современности является одновременно продуктом китайской истории и альтернативой «западным» парадигмам» [Seán 2008].

⁷ Конфликт между жесткой контридеологической установкой и конструктивным либо амбивалентным отношением к идеологии см. в кн.: Философия 2018.

зация — и есть «примитивные культуры». Их связывают соподчинение и патронаж плюс экономия неэквивалентного обмена. Школьная картинка про белых людей и обманутых аборигенов — злостный бартер: привозные безделушки обменивают на золото, камни, бивни и шкуры. Со временем меняется номенклатура обмениваемых товаров, но не «совесть» обмена. Воспроизводство таких рынков обеспечивается всеми доступными средствами, от военной экспансии до мерзостей «мягкой силы», плюс эксплуатация дешевого пролетариата и вывод грязных производств из экологических метрополий.

Казалось бы, такая иерархия в отношениях может быть сглажена, сведена к минимуму или даже устранена вовсе — но не более. Она не может быть перевернута с ног на голову так, чтобы колонии и метрополии менялись местами. На подобное издевательство над собой неспособна даже постколониальная цивилизация⁸, погрязшая в мучительной рефлексии, самокритике и покаянии во искупление.

Однако втягиваемый в цивилизацию абориген вполне может чувствовать себя здесь более хозяином, чем старожилы. Он разговаривает громче других и ведёт себя как хочет, демонстративно не считаясь с нормами и традициями места. Нередко трудно отделаться от впечатления, что выходцы из колоний или просто стран третьего мира ощущают себя в метрополиях новыми конкистадорами — если не первооткрывателями, то завоевателями. Начальное самоутверждение, происходящее от первой неловкости и чувства неполноценности, перерастает в доминанту хозяина, которому все всем обязаны, поскольку он освоился и уже этим покори⁹.

Тем более все может выглядеть иначе вплоть до наоборот в постмодернистской оптике. Кто был ничем в реалиях восходящего прогресса, тот становится всем в горизонтальном мире симулякров, поскольку первым и без комплексов осваивает отрыв виртуального от почвы. Новая мифология может быть по крайней мере не менее продуктивной политически, чем обмен разного рода материальными и даже интеллектуальными ресурсами.

Реакция бывшей метрополии в такой ситуации бывает запоздалой и смягченной: «так трусами нас делает»... этика. Наглость примитива, встречаясь с самокопанием сложной цивилизации, часто побеждает — пусть даже очень локально и временно. В этом находят друг друга самокритичная мораль бывших метрополий и абсолютно несамокритичный пафос аборигена, встающего с колен с грузом застарелых комплексов и нового «кессонного» синдрома. Суть дела не меняется, если этот резкий подъем существует лишь в «воображаемом» и «символическом» опущенного придатка, но не в «реальном»¹⁰.

Вместе с тем, здесь всегда присутствует за кадром и силовая составляющая. Строго говоря, конечным пунктом в этом контуре отношений оказываются не сырье, а заряды. На крайний случай в распоряжении сырьевого экспортера пока ещё остается последний аргумент, с непредсказуемой траекторией мозгов и ракет — но это уже совершенно отдельный случай. Применительно к взаимодействию цивилизаций в новейших условиях об этом гово-

⁸ См.: McLeod 2010.

⁹ Далее все в дозированном и полурасстворенном виде развивается по одной из классических логик: в современном и одновременно постсовременном мире асабии формируют давлу, мулк и прочие институты солидарности и доминации — и как анклав, и как диффузную составляющую. Они, подобно средневековым бедуинам, более устойчивы к опасностям, к ситуации риска и бескомпромиссной борьбе за выживание, поэтому побеждают «горожан» на их же территории. Ибн Хальдун считал, что асабия как форма солидарной энергетики играет особую роль на начальных этапах становления цивилизаций, однако мы видим, что они вновь набирают силу и на закате цивилизационных циклов. В же время в новых формах сохраняется собственный цикл асабий, разлагающихся через 4–5 поколений под воздействием внутренних противоречий. О применении модели к условиям современной России см.: Розов 2006.

¹⁰ Удобный случай для иллюстрации работы концептов «воображаемого», «символического» и «реального» [см.: Лакан 2006; Лакан 1999].

рят редко, а зря. Обвал сырьевой модели может протекать в разных формах и иметь разные последствия, в том числе «непредсказуемые».

Нарцисс с трубой, или Бремя белого человека в кокошнике

Необходимо отдавать себе полный отчёт в том, в какой мере качество и статус страны либо создаются (то есть обеспечиваются производством вещей, знания, культуры и пр.), либо приобретаются на стороне на средства добытые, но не заработанные производством высокой добавленной стоимости. Символически и упрощенно эту альтернативу можно обозначить так: люди или недра, фабрики или «качалки», завод или «труба». Россия конца XX – начала XXI века обменивает свои кажущиеся неисчерпаемыми природные богатства на технологии и девайсы, без которых от её импортируемой современности не останется и следа.

Однако зависимость в сырьевом экспорте/импорте отчасти взаимна, хотя и очень асимметрична. Это позволяет сырьевому экспортеру продуцировать в идеологии для внутреннего пользования свою, зеркальную инверсию неокOLONиализма. В этой безумно льстящей себе картине мира развитые страны поставляют России высокие технологии и авангардный хайтек за тяжелую нефть и нечистый газ, как раньше аборигены сдавали колонизаторам местные сокровища за стеклянные бусы. Бремя человека в кокошнике по отношению к людям в пробковых шлемах возвышает сырьевой придаток до статуса «энергетической сверхдержавы» с гигантскими запасами природного самомнения и газа.

В этот обмен может быть также включена как предмет торга неполная отвязанность мирового хулигана, гуляющего по миру с установкой «убийство драке не помеха». Его премируют за ограниченный самоконтроль с элементами шантажа и блефа (опыт КНДР здесь яркий, но не единственный). Лев Гумилёв был бы счастлив: пассионарность и в нереализованном виде становится торгуемым ресурсом. Сейчас она торгуется в самых разных видах, в том числе как сугубо потенциальная энергия мегаломании и хорошо вооруженного бреда величия.

Со временем здесь все более явственно проявляет себя характерная симптоматика НРЛ – нарциссического расстройства личности (со всеми необходимыми оговорками о корректности трансгрессии личностной психопатологии в политический процесс). Доминантой отношения к миру становится философия собственной грандиозности и всемогущественности, якобы врожденных преимуществ и подавляющего превосходства при нулевой эмпатии и чисто потребительском, инструментальном отношении к другим. Сырьевая «колония», какой по сути и является любой придаток, перехватывает падающее знамя самомнения метрополии — и зарабатывает на этом ту или иную форму патологии.

Эту терминологию в данном случае вовсе не обязательно понимать буквально и обсуждать диагноз в собственно медицинском смысле. Но речь идёт о симптоматике, которая без каких-либо сомнений и оговорок наблюдается в функционировании разного рода организаций и целых институтов, в том числе функционирующих в качестве бессубъектных образований. В этом плане можно говорить о политике, идеологии, пропаганде, дискурсе, форматах презентации вовне и т. п. Именно в этом режиме сейчас работает фактически вся мегамашина обработки сознания и бессознательного. Отдельные информационные фантомы собираются в идеологические галлюцинации и прочие нездоровые видения собственного великолепия. Все «видения совершенства» (Сартр) ловятся исследованием на не зависящих от сознания объективациях, непосредственно наблюдаемых анализом, если надо — шизоанализом. Теряющее меру самолюбование проступает в текстах официоза и буквально переливается через край в потоках массовой информации и пропаганды. Если это не диагноз в смысле

психопатологии, то жесткая констатация особенностей контента и стиля буквально всей идеологической коммуникации современной России и не только¹¹.

В острых случаях расстройство приобретает злокачественные формы вплоть до вспышек нарциссического гнева и нарциссической ярости, потери контакта с другими и реальностью. Такая фиксация на себе изящно обходит то обстоятельство, что сам концепт «энергетической сверхдержавы» отдаёт классическим *contradictio in adjecto*. Сырьевой экспорт плохо вяжется с понятием «держава», скорее отсылая к слову «придаток». «Державный придаток» — это звучит гордо, но странно.

Неверно также понимать нарциссизм исключительно как заболевание, тем более исключительно как заболевание личности. Подходы к коллективному нарциссизму были уже у Фрейда, и уже Фромм (как к нему ни относиться) сделал более чем достаточно для обоснования экстраполяции личностного нарциссизма в социальный. Если у Фрейда естественным и нормальным является, как минимум, первичный детский нарциссизм, то у Фромма нарциссизм лежит в основах самого человеческого существования и компенсирует человеку отсутствующие у него инстинкты, которыми спасаются животные. Строго говоря, и у самого Фрейда нарциссизм в потенции понимается предельно широко: само либидо подразделяется на «нарциссическое» и «объектное». Однако явление может быть распространено и на тот масштаб, что в разных смыслах и контекстах именуется «цивилизациями». Уже стало общим местом включение нарциссизма в комплекс определяющих черт постмодерна. Однако с не меньшим, если не с большим основанием можно утверждать, что почти насквозь нарциссичны и «цивилизация Модерна», и сам само пафос Нового времени как эпохи возвышенного самолюбования в величественных свершениях. Модерн — типичный нарцисс в ключевых для него категориях титанизма, богоравности человека, самоопределения самоценной и самодостаточной личности и т. п. Здесь присутствуют все базовые для нарциссизма определения грандиозности и всемогущести. На волне секуляризации в качестве отдельного института конституируется идеология — явный нарцисс с полной симптоматикой самомнения, фиксации на себе, и непереносимости критики. Наконец, Новое время считается «эпохой революций», тогда как революции — тоже типичные нарциссы среди прочих «жителей истории».

Вместе с тем, постмодерн также не случайно отмечается в наше время массовыми эпидемиями нарциссизма. Скорее здесь надо говорить о двух качественно разных и, возможно, в целом контрарных видах цивилизационного, общекультурного и социально-политического нарциссизма. Если Модерн это нарцисс высоких достижений, модернизации и меритократии, то постмодерн это скорее нарцисс демодернизации, паразитария на «современном», маргинального и самовлюбленности массы, в том числе с типичным идеализирующим переносом на великолепие и грандиозность большого целого.

---

¹¹ Достаточно проанализировать образы внешнего мира, транслируемые СМИ. За редкими и очень специальными исключениями руководители прочих государств представлены здесь фигурами слабыми и манипулируемыми особо сильной личностью, которой судьба наградила Россию. В заряженных пропагандой новостных агрегаторах главные сообщения блещут искусством заголовка: лучшие из которых свидетельствует, что Россия и её руководство в очередной раз кого-то безумно напугали и вызвали шок, опустили или заставили идти на поклон, обвели вокруг пальца, выкрутив ООН, ли руки и поставили на колени [типичные примеры, коих тьма: Мощный удар... 2018; Стало известно... 2018. Или так: Обезумевший Трамп... 2018]. При этом неважно, что под таким заголовком может быть пустышка, а разрекламированная победа может оказаться пирровой. Для массового пользования специально редактируются стенограммы официальных выступлений. Например, выступлениям постоянного представителя России в ООН целенаправленно и технично придаётся дополнительный налёт грубости и высокомерия. Отредактированная расшифровка может содержать выражения и целые абзацы, которых нет в видеозаписи... приводимой тут же, на том же ресурсе.

Как в этом контексте выглядит новейший политический нарциссизм в России и какие у него цивилизационные перспективы — отдельная тема¹². Однако уже из сказанного должно быть понятно, что это весьма специфическое сочетание нарциссизма, как он проявляется на общецивилизационном уровне, и расстройств, имеющих ряд местных особенностей, в том числе вызванных сугубо отечественными комплексами первичной обиды и обесценивания.

За порогом пост-колониализма

В представленных выше характеристиках и оценках не надо искать рецидивы колониальной психологии времён Киплинга. Скорее, наоборот, это предощущение разворота, восстанавливающего прежние диспозиции, но на новом витке и в ином качестве. Постколониализм в этом плане переживает трансформации, источником которых может быть проблема небывало тесного и, как выясняется, не всегда комфортного сосуществования этносов и культур или, например, адаптации беженцев. Речь не о проектах закрытия границ, строительства стен и депортации чужих, но, тем не менее, о коллизиях стратегического, если не сказать цивилизационного масштаба.

В известном смысле такая петля в развитии отношений была закономерной: для придатка с имперскими амбициями это оказалось слишком сильным искушением — подхватить измученный самоанализом чужой, западный постколониализм и поставить его на службу собственному самоутверждению. Постколониальные веяния воспринимаются нашей стратегией как «слабое звено» Запада, которое может и должно быть разорвано силой имперской пассионарности России как новой, воспрявшей Евразии. В подобного рода системе ценностей и представлений Запад в этом своём несколько женственном постколониализме вырождается, тогда как мы, наоборот, возрождаемся, мужественно и без боя занимая оставляемые врагом плацдармы. Эта логика в своей нравственной основе проста, как апельсин: их заедают мораль и нормы, которых для нас не существует, поэтому мы сильнее.

Проблема лишь в том, что умозрительная (философская, культурная и методологическая) этика постколониализма в реальных политических стратегиях вовсе не исключает прежних жёстких установок. Это только в наших фантазиях и в нашей идеологии сила имперского духа разделённой, но заново собираемой нации так легко и эффективно побеждает расслабленного врага. В *realpolitik* возникают острее коллизии, и судьба этого затяжного конфликта в итоге все решается приземлённо и банально — экономикой и технологиями, а не страстями по вдруг воспарившему русскому духу. Пародия на державность, паразитирующая на «слабостях» чужой морали, остаётся ни с чем с обрушением экспортно-сырьевой модели, не говоря отресурсном социуме в целом. В таких прогнозах разоблачает себя ещё одно, теперь уже отечественное издание карго-культуры — с имитацией вселенской миссии и ненавязчивого управления миром. Российское государство как тайный манипулятор всеми — это надо видеть в тех же 3 из пропагандистских агрегаторов. Только кажется, что лидеры мировой цивилизации действуют осмысленно и самостоятельно. На самом деле все их движения уже сейчас во многом определяются тем, как Россия дергает за невидимые ниточки. Правда, качество этой идеологии оставляет желать: она действует лишь на мозги, вконец размягченные пропагандой.

Конечно, внешне это необыкновенно изящный ход — использовать слабости постколониализма для удовлетворения собственных неоколониальных, имперских или, как минимум, «державных» амбиций. Но он выглядит тем более пикантно, что режим пытается внедриться

¹² О политическом нарциссизме вообще и в России в частности см. тексты автора: Рубцов 2017; Рубцов 2018б; Рубцов 2018а. Здесь же приведена библиография авторских статей на тему политического нарциссизма в России в журнале «Форбс» (отдельный цикл из 14 статей) и в других массовых изданиях.

в мировую элиту, эксплуатируя принятое там уважение к разнообразию, при этом подавляя разнообразие и свободу внутри страны. Те цивилизованные нормы, соблюдения которых страна требует в международных отношениях применительно к себе, полностью игнорируются во внутренней политике, применительно к собственным гражданам. Но противоречия в этом не видят: оппонент представляется слишком, патологически правильным, чтобы побеждать в таких маккиавеллистских играх.

Здесь все, как в притче о покере на джентльменском доверии: «Тут мне карта и поперда!». Разница лишь в том, что в политике и экономике блефовать труднее, поскольку расклады легко вскрываются. Остаётся только добавить, что этот ориентированный вовне имперский дух обречен разбираться ещё и с проблемами внутренней колонизации [Эткинд 2013а; Эткинд 2013б].

Радиоуправляемая самобытность

Все эти умонастроения обслуживаются идеологией, генерирующей собственные базовые нарративы. Главный мотив здесь — мировое лидерство страны, которая мудростью руководства оседлала мейнстрим и «ухватила за бороду самую историю». Мы раньше других поняли, к чему объективно идёт цивилизация в этой новейшей политической виртуалистике — и с блеском сработали на опережение. Однако эти модели игнорируют многие аргументы вполне приземленного — технологического, экономического и политического свойства, рисующие совсем другой мейнстрим и другую перспективу.

Чтобы разобраться в этих сценариях, достаточно включить режим мысленного эксперимента и представить себе страшную картину: в альтернативной энергетике случился технологический прорыв, обесценивший традиционные ресурсы; по соображениям деловой либо политической конъюнктуры рынок искусственно переориентирован нашими мировыми «партнерами»; цены на углеводороды упали в пол; каналы поставки сырья перекрыты враждебной интригой или войной... Для не знающих, что такое риски с неприемлемым ущербом можно напомнить: даже если весь этот ужас не прогноз на завтра, он уже суть того, что мы есть сейчас. Если сегодня в ваш адрес никто не крикнет, что король голый, завтра вас просто «разденут».

Зависимость от поставок сырья только кажется симметричной; в действительности в ней есть асимметрия, которая всё решает. Без импорта чужого хайтека сырьевые придатки теряют все оперение современности. Более того, они теряют саму способность эффективно добывать и транспортировать сырьевые товары. В случае изоляции или обвала продаж они не просто лишаются модных «ништяков», но и проваливают обязательства бюджета (в том числе социальные и оборонные) на две трети наполненного нефтью. Зависают ВКС и все прочее из «внезапно проверяемого» Без сырьевой ренты тает «мягкая сила» идеологии и пропаганды, сдувается патриотизм, отвыкший быть всерьёз голодным, открывается реальная перспектива технологического варварства. Понимание истинной природы столь ненадежного «могущества» придатка бьет по национальной гордыне великороссов, и тему стараются не затрагивать. В разговорах о цивилизационном выборе предпочитают вспоминать, как встретились «Европа Петра Великого» с «Европой Карла Великого», а русский царь, забив на все, ловил рыбу в союзе с собственным флотом.

В этой экспортно-импортной диспозиции все очень жёстко. У производителя хайтека запаса прочности и возможностей манёвра на порядок больше, поэтому именно он контролирует предельную ситуацию. Сырьевая держава пытается компенсировать свою зависимость и вторичность сверхактивной дипломатией, подрывом глобального порядка и вмешательством во внутреннюю политику внешних контрагентов, но если это и контроль, то очень опосредо-

ванный. Это контроль второго порядка: по сути, субъект в этой системе отношений не управляет собой, а лишь пытается управлять тем, что управляет им извне. Такая позиция ненадёжна сейчас и безнадежна в перспективе. Игра длится только до тех пор, пока с тобой продолжают играть, ещё не вполне понимая происходящее и принимая навязываемые подобия правил. Но чем виртуознее и эффективнее интрига, тем сильнее желание контрагентов от неё избавиться, и они это могут. Причём не только в политике: в одну только альтернативную энергетику инвестированы гигантские средства, а капитализм, как известно, фантастику не финансирует.

Если говорить о цивилизационной стратегии в собственном смысле слова: вот и весь выбор! Судьба страны не может так зависеть от искусства её дипломатии и агентуры. Даже если продержаться до конца правления, в любом случае теоретически не остаётся перспективы, кроме мутных угроз, затмивших едва ли не все в последнем послании. Проблемы с производством нового, сложного и высокотехнологичного способствуют склонности и во внешнюю политику экспортировать архаику и примитивизм: рассориться со всеми и стравить вчерашних союзников до исходного состояния войны всех против всех.

В своё время Ближний Восток стал геостратегической проблемой не из-за эпидемии религиозного фанатизма самого по себе, а в силу того что статус этих стран вошёл в вопиющее несоответствие сначала с их нефтяным богатством, а теперь уже и просто с финансовым потенциалом. Нечто подобное происходит с Россией, но с рядом отличий. Внутри страны есть свой маленький «золотой анклав», относящийся к остальным соотечественникам так же, как в известной теории «золотой миллиард» развитых стран относится к остальному населению планеты. И даже хуже: то, что Александр Эткинд назвал «внутренней колонизацией», не предполагает цивилизующей миссии и лишней благотворительности в отношении колонизируемых. Социальные бедствия компенсируются для масс нарциссическими образами глобального превосходства на фоне «цивилизованных ничтожеств».

Обсуждение цивилизационного выбора не случайно проходит исключительно в горизонте геополитики и международных отношений. Диспозиция «друг — враг» уникальна отсутствием друзей, кроме армии и ВМС. Отсюда же идеи «отстраненности» России от Запада, «одиошества полукровки» и т. п. Когда тебя сторонятся, проще сделать вид, что такова судьба уникальной, неповторимой цивилизации. В этой логике и сам вызов времени воспринимается как прежде всего мирсистемный и геополитический. Разрешение коллизии видят в том, чтобы «разобраться с Америкой», но не с собой, сделать что-то с этим ослабленным и деградирующим миром, но не изменить что-либо принципиальное в себе. И даже там, где вызов определяется через собственную отсталость, тактично именуемую отставанием, речь не идёт о комплексной модернизации цивилизационного порядка. Прежде всего речь идёт о «выпиленных» из всего этого комплекса технологиях, не очень понятно как связанных с экономикой. Достаточно посмотреть на программные документы, тексты идеологического официоза, повестку нескончаемых ток-шоу и заголовки специально заряженных новостных ресурсов: все исключительно про то, как мы рвём на части врагов, но практически ничего о том, как нам обустроить обещанный рыбок России. Интереснейшая, важнейшая тема не обсуждается исключительно из соображений идеологической безопасности.

Пока этот Тузик рвёт карту мира, в самой стране входит в кризис весь комплекс жизнеобеспечения: экономика, социальная сфера, администрирование в науке и культуре, образовании и просвещении. На цивилизационный вызов страна отвечает историческим выбором демодернизации. Страна-экстраверт явно недостаточно занимается собой, собственным.

Один из путинских программных текстов когда-то назывался «Россия сосредотачивается». Осталось лишь сменить вектор усилий и сосредоточиться на себе.

На выходе из постмодерна

Вся эта коллизия постколониализма и неоколониализма включена в объемлющий тренд — своего рода «гипероним». В самом общем виде речь идёт о выходе из радикального постмодерна, тупики которого уже обозначены, — или, как минимум, о поисках такого выхода. И в то же самое время остаётся много не сделанного для того, чтобы в постмодерн нормально и правильно войти, не говоря о недоделках российского Модерна как в принципе «незаконченного проекта» в принципе (Хабермас) и тем более здесь. Известная манера — заскакивать с опережением всех вперёд, не продлив толком предыдущие фазы.

То же с подкопами под остающуюся все ещё «современной» архитектуру глобального порядка со всеми её классическими институтами и организованностями. Это международное произведение Высокого Модерна сейчас и в самом деле несколько руинировано, но энтузиастам его сноса рано радоваться. Точнее поздно: мир уже на пороге «сверхнового времени», и такого рода суперструктуры впору не сносить, а реконструировать. Казавшиеся удручающе регулярными и не в меру жёсткими конструкции и планировки Высокого Модерна теперь заново укрепляют и обводят в твёрдой графике, но делают это уже с допущением спонтанности с ее способностью воспроизводить уникальные качества «исторически сложившегося». Наряду с воспроизведением классики порядка пытаются восстановить естественные сложность и противоречивость, утраченные во всей Архитектуре Произведения — от идеальных проектов городов и общества эпохи Ренессанса до тотальных градостроительных и политических мегапроектов XX века. Высокий Модерн в той его ипостаси, что связана не с удушающим порядком, а со свободой, правом и либеральным законом, длится «сквозь» постмодерн и заново самовосстанавливается на выходе из постмодерна, причём уже сейчас¹³.

В этом смысле инверсия сырьевого придатка в «энергетическую сверхдержаву» — чистый постмодернизм с отказом от оппозиций «высокого — низкого», «передового — отсталого» и пр. Точно так же контроль через виртуальную интригу над тем, кто по большому счету сам тебя контролирует экономически и offline, — тоже постмодернистский глюк. Типичный симулякр с фикциями второго порядка: копия копии, знак знака в отсутствие денотата.

Торжество вторичного и ненастоящего — суть цивилизации постмодерна, и кажется историческим подвигом этот тренд оседлать, превратив политику в подобие покера. Именно так мудрость руководства описывается карманной аналитикой, пытающейся подвести философию под вынужденный стиль и политическую манеру.

Россия уже пострадала от таких «опережений». Коммунистический проект был экстремальным воплощением тотальных поплзновений конструктивизма Модерна. У его истоков не случайно в одном ряду, бок о бок стояли проекты идеального города Кампанеллы и идеальной тюрьмы Бентама — с идентичной по стилю графикой, с изоморфной пространственной организацией и почти одинаковой нечеловеческой сутью торжествующей тотальности. Светлая и тёмная стороны Модерна, воплощённые в альтернативах Свободы и Порядка, Человека и Проекта, напоминают раздвоение доктора Джекилла и мистера Хайда. Из идеи свободы произошли суверенная личность и правовое государство, а из культа тотального проек-

¹³ Как в капле воды, это можно увидеть буквально в одном эпизоде — в почти мгновенном развороте ситуации вокруг политического симулякра свидания Путина и Трампа в Хельсинки. Тогда встретились два ведущих политических постмодерниста, и на мгновение показалось, что «победил» сильнейший из них именно в этом качестве. Однако сиюминутный триумф обернулся пирровой победой, когда порядок американского политического Модерна силой своих институтов отыграл назад и вернул все в «правильное» нормативное русло. В целом этот опыт касается всех надежд на окончательное расшатывание существующего порядка и замены его на политику ситуативного сговора.

та и порядка — тоталитаризм с небывалыми в истории техниками гиперорганизации. Затоптав в установках Модерна линию свободы, в культе порядка мы опередили всех, кроме немцев эпохи нацизма. Редкая способность — заскакать вперёд других в худшем, а потом выкарабкиваться из самими же созданного тупика.

То же происходит сейчас с политическим постмодернизмом, на который у нас заглядываются с энтузиазмом, заслуживающим лучшего применения. Разрушение институтов и правил, уход в мнимости и мрачная политическая ирония — вот черты синтаксиса, семантики и прагматики этого языка идеологии и политики. Стиль эффективен и работал бы ещё, если бы не обозначились тупики теперь уже и этой модели. От постмодернистской хаотизации и неподлинности чуткую к назревающим тенденциям аналитику уже воротит не меньше, чем в своё время от модернистского порядка и натурализма. Это читается в архитектуре, которую в этом смысле можно рассматривать как слепок политики: засилье лужковского постмодерна и постлужковского «благоустройства» уже утомляет не меньше регулярности и примитивизма типовой застройки 1960 – 1970-х годов. Симуляция естественности, старательно запроецированное «исторически сложившееся» — все это же имитация демократии, свободы и уважения к приватному. И это общая тенденция: в философии также новые знаковые термины — неоклассицизм, пост-постмодерн, afterpostmodernism...

В российских хрониках опять воспроизводится вечное чередование мировых рекордов и исторических провалов. Сообразительные люди уже ищут выход из постмодерна, тогда как у нас в который раз пропускают разворот цивилизации, упиваясь предыдущим своим гипертрофированным «опережением». Однако вряд ли это непреодолимая судьба: сначала доводить до абсурда начинающуюся моду, а потом, когда мода сменится, щеголять в обносках до следующего «опережения».

Проекты Запада у нас реализовывались с поистине восточным фундаментализмом, восходящим к фанатизму. Прошлый опыт такого заимствования закончился распадом СССР, и тогда тоже сказались цены на нефть. Сейчас зависимость от рентно-ориентированной экономики и ресурсного социума, достигла максимума. И опять банальная цена на нефть грозит поставить на место весь этот постмодернизм — вернуть его от аномии к порядку и правильной архитектуре глобальных отношений, опустить мнимости идеологии и пропаганды на землю, избавить от эклектики и мрачноватой иронии.

Чуть более ста лет назад, незадолго до известных потрясений, о. Георгий Флоровский написал пронзительные слова: «И вдруг все стало очень серьезно». Можем повторить.

3. Империя духа Основной вопрос философии и демографии

Сырьевая модель, превращающая социум в ещё один вид эксплуатируемого ресурса, во все не обязательно формируется при наличии одного фактора — изобилия природных богатств. Срабатывает комплекс условий, начиная с «кочевых» навыков организации социальных отношений и машины власти и заканчивая таким особенным достоянием как «богатство народом» — тоже своего рода природным достоянием. Идея проста: «В России людей, что нефти».

В некотором смысле этот эффект представляет собой социально-политическое продолжение «голландской болезни»¹⁴. Примерно так же как высокая цена на нефть губит собствен-

¹⁴ Суть «голландской болезни» в том, что высокая цена на экспортируемое сырьё даже только на разнице курса валют создаёт проблемы, иногда фатальные, для собственного производства. Когда же цены на сырьё или энергоносители падают, обнаруживается, что в собственных производствах восстанавливать уже нечего. Рассуждения о редуционизме этой схемы и любое количество контрпримеров не отменяют проблемы. Злоупотреб-

ные отрасли и институты, низкая цена человека и населения губит политические институты и саму политику.

В данном случае ответы демографии оказывают влияние на вопросы философии, в том числе на практическое решение когда-то «основного философского вопроса» — о первичности материи либо сознания. Экономика добычи и перераспределения, как ни парадоксально, более тяготеет не к материальной стороне жизни, а к духу, не к бизнесу, а к идеологии. Общество здесь консолидировано не свободой делать, а несвободой думать. В этом есть устойчивая связь: условно говоря, «завод» тяготеет к «холодильнику», а «труба» — к «телевизору». Управлять толпой лишней для экономики людей вообще проще и дешевле не через материальные стимулы, а воздействием на сознание. При правильной постановке дела и нарастающих проблемах с деньгами подкормленную стабильность всегда можно разменять на голодную, но гордую духовность. Именно такое смещение акцентов мы сейчас и наблюдаем. Жизнь общества становится с ног на голову, если базисным становится массивированное воздействие на сознание и психику. То, что ещё недавно можно было «заливать деньгами», сейчас стараются заливать политическими страстями и возвышенными идеями.

Вышесказанное не означает демографического изобилия и не отрицает того, что и в нашем случае возможен дефицит народонаселения, особенно при неравномерной плотности, перерастающей в системный конфликт демографии с географией, и гигантской паразитарной «занятости» в непроизводительной сфере. В истории страны нередко воевали именно «за людей» как за ресурс, а не просто за территории. Но это все же нечто совсем иное, чем история, в которой люди борются за себя и для себя, за право и возможность самим создавать удобное им государство, режим политики и власти¹⁵.

Сама ресурсная модель имеет разновидности и мутирует во времени, иногда радикально. Такие трансформации бывают близки к изменениям цивилизационного масштаба. Классический пример — наша история последних трёх-четырёх десятилетий с мгновенным разворотом фундаментального свойства, на уровне пресловутого «основного вопроса философии». Естественно, речь не об онтологии, но о приоритете материальных либо духовных факторов в политике, в системе ценностей и мотивов, в техниках консолидации и мобилизации.

Будни реидеологизации

За последние полвека страна пережила две фазы условной деидеологизации. Сначала советская идеология (чтобы не называть её «марксистской» или «коммунистической») деградировала как система идей, имеющих отношение ко всякому живому, понимающему себя сознанию. Она утратила сакральность, но приобрела налёт абсурдного комизма, как и многое тогда в политической реальности. После развала СССР и «смены модели», государственная идеология была демонтирована ещё и как система институтов. Но если учитывать глубинные инерции сознания, эта деидеологизация оказалась во многом иллюзорной и поверхностной — при всех очевидных изменениях в сторону открытости и намерстывания упущенного.

Конец 1990-х и начало 2000-х примерно одинаково выстраивал отношение власти и социума к идеологии. Сначала не было возможности, а затем и необходимости реабилитировать идеологию. Последней «неидеологической» идеологема была идеологема «стабильно-

---

ление алкоголем отрицательно влияет на печень, но не всякая пьянство заканчивается циррозом и не всякие заболевания печени заканчиваются летально. Однако мы находимся в конкретной ситуации, в которой сырьевое проклятье уже усугублено проклятием институциональным. Если эта болезнь и лечится, то уже точно не домашними средствами.

¹⁵ То, что случилось в России, в частности отражено в сугубо отечественном градостроительном термине «жителя» (с ударением на последнем слоге). И это ещё по-доброму...

сти»: реальность полагалась достаточно легитимной и без каких-либо рациональных, тем более трансцендентных обоснований. После периодов тяжелых потрясений и бедствий даже обеспечение минимальных гарантий способно отключать лишнюю мыслительную активность.

Однако к концу 2000-х стабильность на остатках сырьевой ренты начала сдавать позиции. Даже элементарная сытость со временем вызывает привыкание и порождает новые претензии, а с ними и недовольство (почему, собственно, революции часто случаются именно на выходе из кризиса). Рейтинги власти заметно просели, а протест начал переливаться из столиц в Регионы, прежде всего в города-миллионники. Для власти это было первым серьезным испытанием страхом — испуг был замечен. Надо было срочно показать всем, а главное себе, что ресурсы обеспечения контроля над ситуацией не исчерпаны, а частью даже не распакованы. По мере ухудшения сырьевой конъюнктуры становилось ясно, что и дальше «заливать деньгами» недовольство не очень получится. В этой ситуации нетрудно было догадаться, что простой подкормки общества недостаточно и необходимо всерьез налаживать базовые отрасли духовного производства.

Пропуская промежуточные этапы, мы в результате получили принципиально иную модель, в которой идеология и духовность доминируют над материальной составляющей. Как уже не раз отмечалось, это типичная коллизия нарцисса, для которого фиксация на грандиозных эффектах собственного отражения открывает возможность и вовсе умереть от голода. В авральном порядке была выстроена гигантская индустрия мифологии якобы самосознания. Более того, налажено поточное производство национальной гордости. В итоге эта отрасль стала доминировать не только потому, что на её развитие были брошены немеренные ресурсы. Разведочное бурение вскрыло огромные запасы социально-психологической энергии. Обнаружились целые залежи давно не востребованных сверхсильных эмоций почти экзотического свойства. Из этих «скважин» стали вырываться на поверхность страсти, вытесняемые коллективными комплексами, но способные и сами выйти из-под контроля тех, кто их гальванизировал.

При всех признаках духовной революции такие изменения мало меняют суть ресурсного социума. Тем не менее, они существенно дополняют систему «политических энергоносителей». Из глубин массового самосознания, измученного ресентиментом и напором неизрасходованной энергии, добывается ресурс самовоспроизводства режима, не менее значимый, чем добыча сырья. Уже говорилось о том, как пресловутое сырьевое проклятие трансформируется в проклятье институциональное, а в итоге и в цивилизационное. Точно также безудержная эксплуатация эмоциональных залежей и недр ментальности порождает подобие особого цивилизационного типа — зеркала «нефтедобывающей цивилизации» в пространстве идеального. Можно ли в новых условиях с такой генетикой прорываться в будущее — вопрос почти риторический.

Лакан Ж. 1999. *Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55)*. — М.: Гнозис/Логос — 520 с.

Лакан Ж. 2006. *Имена-Отца*. — М.: Изд-во «Логос». — 160 с.

Мощный удар... 2018. Мощный удар: Путин поставил на место весь Запад. — *Блог «Взгляд. Миртесен»*. — 21 августа. — Доступно: http://vzglad.mirtesen.ru/blog/43656757072/Moschniy-udar:-Putin-postavil-na-mesto-ves-Zapad?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1. — Проверено: 10.12.2018.

Обезумевший Трамп... 2018. Обезумевший Трамп пригрозил России третьей мировой. — PRESS-PULSE. — 6 августа. — Доступно: <https://press-pulse.com/135050-obezumevshii-tramp-prigrozil-rossii-tretei-mirovoi-full.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Розов Н.С. 2006. Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России. — *Политический класс*. — № 16. — Доступно: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/ibn-khaldun.htm>. — Проверено: 31.07.2018.

Рубцов А.В. 2017. Революция как хронополитика и этос. — *Философский журнал*. — Т. 10. — № 4. — С. 21–40.

Рубцов А.В. 2018а. Идеология и нарциссизм. Мании грандиозности: наблюдение, симптоматика, генезис — *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. — М.: Прогресс-Традиция. (в производстве)

Рубцов А.В. 2018б. Идеологи и нарциссы. Мифы всемогущества: рецидивы, обострения, эпидемии — *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. — М.: Прогресс-Традиция. (в производстве)

Рубцов А.В. 2018в. Цивилизационный выбор в контексте постсоветской модели: условия задачи. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 17–32. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2018.3/02.pdf>. — Проверено: 10.12.2018.

Сорокин Д.Е. 2002. Россия: проблемы цивилизационного выбора. — *Общественные науки и современность*. — № 6. — С. 124–134.

Стало известно... 2018. Стало известно, как Путин поставит американцев на колени. — Блог «ИнформНОВОСТИ. Миртесен». — 10 августа. — Доступно: <https://s30363933752.mirtesen.ru/blog/43473763066/Stalo-izvestno,-kak-Putin-postavit-amerikantsev-na-koleni>. — Проверено: 10.12.2018.

Философия и идеология... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. — М.: Прогресс-Традиция (в производстве).

Шкаратан О.И. 2010. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы — *Мир России*. — № 3. — С. 23–45.

Эткинд А.М. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. — М.: Библиотека журнала «Неприкосновенный запас» — 490 с.

Эткинд А.М. 2013. Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве — *Неприкосновенный запас (nz)*. № 2(88). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/e16.html>. — Проверено: 31.07.2018.

China Modernization Report Outlook... 2010. *China Modernization Report Outlook (2001–2010)*. — Beijing: Peking University Press. — 255 p.

McLeod J. 2010. *Beginning Postcolonialism*. 2-nd ed. — Manchester: Manchester University Press — 304 p.

Seán Golden Valentine. 2008. The modernisation of China and the Chinese critique of modernity. — *ORIENTATS-2006*. — Доступно: <https://www.raco.cat/index.php/HMIC/article/viewFile/53271/61301>. — Проверено: 31.07.2018.